

[00:02:00]

Маринэ Восканян: Уважаемые коллеги, уважаемые гости Московского экономического форума. Мы начинаем нашу секцию. Я рада всех приветствовать. Сегодня у нас второй день форума. Уже прошел целый ряд интенсивных дискуссий, в том числе, на международную тематику. И мы сегодня тоже во время нашего мероприятия продолжим обсуждать один из аспектов международных отношений. Название нашей сегодняшней секции это «Информационные войны – что происходит со сферой СМИ и информации в России и в мире».

Я представлю сначала всех наших участников. Давайте начнем в том порядке, в каком мы сидим.

Брюс МакКоннелл, вице-президент по глобальным вопросам Института Восток-Запад, со-директор секретариата Глобальной комиссии по стабильности в киберпространстве и также в прошлом заместитель заместителя министра США по внутренней безопасности;

Дальше у нас сидит господин Лео Энзель, он конфликтолог, тренер по межкультурной коммуникации по профилю «Постсоветское пространство и Центральная и Восточная Европа»;

Рядом со мной сидит Андрей Олегович Безруков, политолог, доцент МГИМО;

Далее у нас гость из Германии это Хауке Ритц, немецкий философ и публицист;

Далее у нас господин Тьерри Мариани, бывший министр транспорта Франции, президент Франко-Российского Диалога, почетный член французского парламента;

Далее господин Вилли Виммер, в прошлом парламентский статс-секретарь Министерства обороны ФРГ, вице-президент Парламентской ассамблеи ОБСЕ и так же более 30 лет депутат Бундестага;

И, наконец, Иван Преображенский, он у нас обозреватель «Росбалт», так же колумнист «Deutsche Welle» и политолог.

И модерирую секцию я, Маринэ Восканян. Я член Организационного комитета и координатор по международной работе Московского экономического форума.

Итак, уважаемые коллеги, я немного расскажу о самой теме, которую мы сегодня будем обсуждать. Надо сказать, что в рамках Московского экономического форума, к сожалению, тему информационных войн мы обсуждаем уже не первый раз. Такая секция была у нас и в прошлом году, и до этого, потому что, к сожалению, мы должны констатировать, что то, что называется информационной войной, оно у нас продолжается, и я думаю, что на данный момент почти все это признают, уже достаточно давно.

[00:05:07]

Соответственно, в рамках наших дискуссий, по крайней мере, я, всегда пыталась больше говорить о том аспекте, каким образом все-таки из этой конфронтации можно выйти, а не в том смысле мы обсуждаем войны, чтобы выяснять, кто должен в них победить. Я думаю, в интересах всех сторон как раз, чтобы войн не было, в том числе, и в информационной сфере. Тем не менее, если мы посмотрим на то, как развиваются события в международной сфере в последнее время, то мы видим, что очень серьезным аспектом, влияющим сегодня на них во всех практических сферах, становится сфера информации.

Я поясню, что я имею в виду. Вы можете вспомнить, что не так давно были случаи, когда, например, официальные лица, представители официальных министерств, например, иностранных дел, когда они случайно давали официальные ответы на некие сообщения информационные, которые проходили по социальным сетям, например, в Twitter, и так далее, которые якобы были высказаны их коллегами из других стран. Но на самом деле, этих сообщений не было. Каким-то образом откуда-то вдруг взялась такая информация, что это так. И она настолько не верифицируема, что, в общем-то, почему-то все решили, что да, наверно, кто-то так и сказал. И начинают это комментировать.

Потом выясняется, что таких сообщений не было и дальше начинают говорить о том, что «Мы приносим извинения, мы думали, что было, а на самом деле, не было». Хотя, с одной стороны, это выглядит как курьез, но на самом деле, это затрагивает достаточно серьезную тему, что одним из аспектов информационной сферы стала сегодня не верифицируемость информации. Что это значит? Что раньше, по крайней мере было хотя бы понятно, кто является источником того или иного информационного сообщения, дипломатического сообщения, еще какого-то.

Сегодня, поскольку главным в распространении информации считается скорость, то мы все получаем информацию, в основном, из наших мобильных устройств, из наших смартфонов, компьютеров. То есть мы просто читаем. Вот две секунды назад мы узнали о том, что что-то случилось. Мы, действительно, в большинстве случаев считаем, что так оно и было, что, действительно, что-то произошло, кто-то что-то сказал, хотя, на самом деле, это может быть совершенно не так.

И более того, у рядового пользователя этой системы, вообще нет никаких способов проверить, правда это или нет. Да, единственный, пожалуй, способ, это, может быть, какое-то доверие к определенным источникам информации. Например, если это какое-то официальное информационное агентство, то, да. Тем не менее, и там мы видим в последнее время случаи, когда вполне профессиональные журналисты в качестве источников почему-то используют какую-то информацию, не проверенную, из тех же социальных сетей. И в результате даже на страницах вполне серьезных официальных информационных агентств и каких-то СМИ появляется что-то, что, потом выясняется, совершенно было неправдой.

Это только один из аспектов того, как информационное пространство хаотизируется, и в результате, становится менее понятным, менее управляемым. И, соответственно, последствия, которые мы видим в результате, а последствия самые серьезные мы наблюдаем, вплоть до того, что люди, прочитав какие-то сообщения, у них меняется отношение к тем или иным каким-то фигурам политическим, каким-то процессам, да к целым странам, чего уж говорить. У человека может поменяться отношение просто в результате того, что что-то он такое вдруг внезапно прочитал или увидел. Это один аспект.

Второй аспект, на мой взгляд, очень важный, проблемный в информационной сфере, это то, что раньше в основном, с информацией работали люди, которые имели к этому какое-то отношение профессионально. То есть, например, были СМИ (если кто помнит, как это функционировало в эру до интернета), в них работали журналисты. Соответственно, это были люди, которые для этого подготовлены и так далее. С приходом интернета все поменялось. Сегодня каждый из нас может быть журналистом, блогером и, соответственно, теперь с информацией работает абсолютно каждый человек.

И таким образом, в информационное пространство фактически кто эксперт, кто не эксперт, это все нивелировалось и в этом смысле, тоже является такой серьезной проблемой. Очень часто, например, могут становиться популярными и набирающими максимальное количество аудитории, допустим, мнения, сообщения, какие-то экспертизы, которые, на самом деле, принадлежат людям, которые в этих сферах не обладают какими-то серьезными профессиональными навыками, или какими-то официальными, если говорить о науке, научными степенями, и так далее.

[00:10:26]

То есть вопрос в том, что теперь в информационном пространстве просто находимся мы все, и информация, она также многообразна, также многоуровневая, как просто само человеческое общество, потому что там уже в интернете находятся все. Это второй аспект.

Также хотелось бы обратить внимание на то, что именно в информационном пространстве сегодня мы видим вот это распространение такого, я бы это назвала, какого-то политического напряжения, потому что, собственно, именно медиа, именно СМИ, они подхватывают любые, я бы так сказала, конфликтогенные темы, особенно международные. И они их очень сильно еще раздувают, и таким образом, вовлекают эмоционально.

Я хочу здесь сделать такую очень серьезную ремарку, что это очень важное свойство современных форматов информационных сообщений, что они максимально нацелены именно на эмоции. Не на разумное восприятие. Это знают все, кто работает с этой сферой, в том числе, профессионально, у кого задача, допустим, максимизировать количество просмотров своего контента и так далее. Все знают, что только то, что вызывает обостренную эмоциональную реакцию, только то сегодня становится популярным. Это, на самом деле, находится в очень серьезном противоречии в целом с

идеей, которая существовала еще совсем недолгое время назад, о том, что, допустим, читатель или зритель, что главная его задача – почерпнуть какой-то максимум информации из сообщения. Но информации, с точки зрения смысла, то есть понимания, а не эмоций.

Но это здесь, я думаю, мы сегодня затронем эту тему. Это все-таки произошла еще определенная смена просто форматов самой культуры. Это отдельная тема. Это не тема нашей сегодняшней сессии, но просто сами культурные форматы, они очень резко сменились определенное время назад. И перешли, если можно говорить таким научно-философским языком, от форматов модерна, в котором текст и смысл выражены в форме текста, был как бы главным способом передачи информации и знаний, к форматам более эмоциональным, визуальным.

Но надо признать, что про такое мозаичное восприятие писали еще такие эксперты, как Тоффлер. То есть это было и не 10 лет назад, и не 20, и не 30. То есть этот переход начался уже несколько десятилетий назад. И получается, что когда сегодня на базе как раз вот этих эмоционально направленных форматов, на них еще накладываются определенные конфликты политические, геополитические, то мы получаем совершенно взрывоопасную ситуацию. Когда в большинстве стран, просто каждый день мы включаем наш телефон и смартфон, первое, что мы каждый день в нем видим, это какие-то безумные новости о том, что что-то становится еще более радикальным. Какие-то конфликты еще усиливаются. Мы в России считаем, что кто-то про Россию сказал что-то ужасное, обидное. Люди в других странах, им, наоборот, пишут, что страшная Россия скоро на них нападет, прямо завтра. И все это создает атмосферу, на мой взгляд, очень опасную.

Коллеги на предыдущей геополитической секции обсуждали в таком более фундаментальном ключе те проблемы мировой безопасности и, вообще, расклада сил в мире, который мы имеем. И они тоже сошлись на том, и сделали вывод о том, что, к сожалению, нынешняя ситуация крайне опасна тем, что мало кто понимает, куда она дальше выйдет. И наша секция в каком-то смысле является продолжением, наверно, этой дискуссии, но просто в своем отдельном аспекте, потому что, с моей точки зрения, то, что происходит со сферой информации, вносит, к сожалению, свой, очень серьезный негативный вклад в то, что происходит.

Это такое вводное слово, которое я себе позволила сделать как ведущая. И теперь, конечно, мы перейдем уже к выступлениям наших уважаемых гостей. Специально для них я такую даю небольшую информацию по регламенту. Я просила бы вас, сейчас у нас будет первый раунд наших выступлений, придерживаться регламента в районе пяти-шести минут, своего первого выступления. А потом у нас будет еще один раунд, и я надеюсь, мы сможем еще что-то обсудить в формате дискуссии.

[00:15:14]

Извините, что приходится так жестко регулировать, но я очень хочу, чтобы мы сегодня все успели. Итак, я хотела бы первым дать слово, наверно, наиболее опытному политически и, вообще, в жизни человеку, участвующему в нашей дискуссии, господину Виммеру. Я хотела бы спросить его, как ни странно, не про ситуацию в мире. А я хотела бы задать такой вопрос, как человеку, который, на самом деле, видел своими глазами вот эту смену форматов, в том числе, и восприятия информации, и застал времена, когда дипломаты не общались в Twitter.

С вашей точки зрения, вы видели этот переход. Как вы оцениваете то, что язык дипломатической коммуникации и, вообще, язык политической коммуникации сегодня настолько преобразился. Потому что есть мнение, ну, а что теперь поделаешь? У каждого в руке смартфон, значит, надо в Twitter общаться. А что уже сделаешь? Назад уже ничего не вернешь. Без электричества жить не будем все равно, сделать ничего нельзя. А вы что думаете?

Вилли Виммер: Спасибо. Похоже, вы очень вежливо намекнули, что я здесь самый старый. Но думаю, ответ на этот вопрос можно дать именно здесь, в Москве. Сегодня утром мы с моим другом (нрзб. имя) проходили мимо этого здания, и мне вспомнилась встреча с Валентином Фалином, главой международного отдела Центрального комитета коммунистической партии в Советском Союзе. Я встретился с ним в здании Центрального комитета осенью 89-го года. Раньше он был послом России в Германии, так что мы с ним подробно обсуждали все, что происходило. По моему мнению, самым важным, что было у нас в то время, были свобода речи и свобода прессы. Ему несложно было это понять, поскольку он к этому привык. Но сейчас, когда я вижу политическую обстановку, по крайней мере, в моей части мира – а я живу в Западной Европе – я думаю, что теперь обстановка там куда более советская, чем она когда-либо была в Советском союзе. Вся информация в газетах и СМИ представлена крайне односторонне. Думаю, Йозеф Геббельс был бы от этого в восторге – даже ему не удалось добиться подобного за период с 1933 по 1945 годы. Так что меня огорчает то, в каком направлении движется Западная Европа. Я даже не представлял, что такое может произойти.

Я говорю вам все это исходя не из каких-то экспертных знаний, а сугубо из личного опыта. Я общаюсь с Russia Today и Спутником. Почему я этого делаю? Потому что с тех пор как я выступил против войны в Югославии, у меня больше нет шансов попасть в немецкие газеты или СМИ. В тот день все просто остановилось. У меня больше никогда не было возможности выступить на каком-нибудь крупном ток-шоу, несмотря на мою влиятельную международную позицию немецкого законодателя. Так что я почувствовал все это на собственной шкуре.

Что же происходит теперь, когда я общаюсь с RT? Если вы попадаете в выпуск новостей на RT – а их показывают везде, по всему миру – вам дается 5-15 минут на то, чтобы высказать свое мнение. А ведь в Германии даже в далекие лучшие времена моя или чья-либо еще позиция СМИ никогда не волновала, и они вовсе не собирались спрашивать

про нее на протяжении 5-15 минут. У телекомпании уже была готова своя позиция по тому или иному политическому вопросу – им просто нужно было, чтобы член парламента или еще кто-нибудь её озвучил. На это мне давалось секунд пятнадцать. Так что, по моему мнению, RT является примером свободы прессы и качественной журналистики.

То же самое и со Спутником. Меня спрашивают о моей позиции по тому или иному вопросу и, если в итоге окажется, что я сумасшедший, они так и напишут. Но им интересно поговорить со мной, и они обращаются ко мне на классическом немецком языке, что просто прекрасно. Это вам не пустая болтовня, которую мы видим на немецком ТВ.

Так что я говорю обо всем этом не исходя из каких-то стратегий или по чьей-то просьбе, а исключительно на основе личного опыта. Я могу лишь поздравить Российскую федерацию с тем, что, как и Британия, которая финансирует BBC, они также финансируют СМИ, освещающие ситуацию в Западной Европе, потому что без этих СМИ у нас не было бы никакой свободы прессы и свободы мнений, ведь позиция наших газет, радио и телевидения крайне односторонняя. Возможно, когда я говорю здесь о ситуации в Западной Европе, это звучит глупо, но таков мой опыт и таким он был на протяжении многих десятилетий.

Я придерживаюсь очень высокого мнения о немецких журналистах. За более чем 40 лет, что я имел дело с немецкой прессой, я убедился, что это очень серьезные люди, и за все это время меня предали лишь один раз. Моя критика прессы всегда была конструктивной. Следовательно, дело здесь не в журналистских стандартах. Но журналисты работают в средствах массовой информации и вынуждены подписать контракт, в котором говорится, что они должны рассматривать некоторые политики исключительно односторонне, думать о трансатлантических отношениях так же, как и правительство, а также выступать на стороне Тель-Авива. Если вы отказываетесь все это делать, места вы не получите.

Так что давайте вернемся к реальности. Я очень реалистично рассматриваю ситуацию с общественным мнением и прессой в моей части Европы, и я просто хочу сказать вам: когда мы говорили с Валентином Фалиным в 89-м году, я и представить себе не мог, что окажусь в той же ситуации, в которой находились многие в Советском союзе в то время, когда он руководил Коммунистической партией. Большое спасибо.

Маринэ Восканян: Спасибо, господин Виммер. Когда я вас представляла, я имела в виду ваш огромный политический опыт и возраст.

То, что вы говорите, очень важно. Если мы говорим о форматах, когда записывают интервью 10 минут и оставляют полминуты, как человек, который проработал в информационной сфере много лет, к сожалению, могу сказать, что ситуация здесь даже безотносительно того, какая страна и какая телевизионная компания, очень часто это происходит просто потому, что все хотят все это делать короче.

Приведу пример, который, возможно, вас неприятно удивит. Недавно из коллег-международников делал мастер-класс для молодых аналитиков по международным отношениям, он им рассказывал, как правильно писать аналитические записки, его вел Тимофей Бородачев, наш известный эксперт. Он им сказал, что лица, принимающие решения, вообще не читают записки, которые по длине больше, чем одна страница. Три читают лица, принимающие решения среднего уровня, а дальше уже только одну.

[00:25:11]

К сожалению, эта тенденция почти везде наблюдается, и лично я ее оценить позитивно тоже не могу.

Слово господину Макконнеллу. Некоторое время назад в журнале Global Affairs была ваша статья, посвященная общим угрозам в сфере информационной безопасности, которая сегодня существует для всех. Конечно, есть аспекты чисто технологические, мы сегодня их не разбираем, потому что это не наша специфика. А тот аспект, о котором мы начали говорить, я хотела бы узнать ваше мнение, как вы относитесь к тому, безотносительно того, какие стороны участвуют в каких-то информационных противостояниях, всегда противостояния есть, есть геополитическая конкуренция, так всегда было и будет. Но то, что сами эти стороны начинают использовать в информационном пространстве, понижается уровень экспертизы, дискуссии, даже дипломатического общения. Как вы оцениваете эту ситуацию, даже безотносительно, о каких сторонах мы говорим?

[00:26:43]

Брюс МакКоннелл: Большое спасибо, я очень рад быть здесь. Я не совсем согласен с тем, что вы сказали по поводу того, что все изменилось и что в прошлом мы принимали решения исключительно на основе разума, а не чувств. Я думаю, что люди всегда принимали решения на основе чувств. Мы можем лишь надеяться, что наши лидеры все же принимают решения на основе разума. Когда 20 или более лет назад я работал в Белом доме, там существовало требование, что все свои аргументы нужно изложить на одной странице – так что это не новый феномен. Люди на руководящих позициях очень заняты.

Я думаю, что нынешняя ситуация, конечно, вызывает беспокойство, но она не нова. Другими словами, конфликты между государствами происходят с давних времен – просто теперь эти конфликты перешли в новую сферу. Но в них нет ничего нового. Просто теперь их последствия стали более прямыми, и этим пользуются обе стороны. И их эффект усиливается из-за того, о чем вы уже упомянули. Например, любой может стать журналистом, а журналисты могут концентрироваться на эмоциях и на негативных сторонах. Объем собираемых данных позволяет нам знать все о нашей целевой аудитории и создавать персонализированные новости для каждого. Проблемы, с которыми мы сталкиваемся, очень сложны, а люди ленивы и не любят работать головой –

это относится ко всем нам. Поэтому, как вы и говорили, мы пытаемся все упростить. В этой войне остаться в стороне не удастся никому. Все мы постоянно находимся на поле боя и постоянно подвергаемся всему этому.

И, наконец, для усиления сообщения используются машины. Все это ошеломляет, и вопрос в том, как все исправить, как улучшить ситуацию? Конечно же, мы хотим, чтобы политики стали лучше, но при этом я думаю, что на средствах массовой информации и основных информационных платформах, многие из которых являются американскими, также лежит определенная ответственность. Сделать нужно очень многое – не думаю, что у меня сейчас хватит времени все это описать. Например, как вы упомянули, в прошлом СМИ выступали в роли контролеров и проверяли новости перед тем, как их публиковать – проверяли факты. Я думаю, это должны делать все СМИ, а не только крупные газеты. Они должны взять на себя эту ответственность и помогать людям отличать фальшивые новости от настоящих. И для этого им вовсе не обязательно быть на одной стороне и придерживаться одного и того же мнения.

[00:30:01]

У нас в США представлено огромное разнообразие новостей и мнений. Но я также думаю, что со временем люди должны сами научиться отличать фальшивые новости от настоящих. Один из способов сделать это – обратить внимание на источник информации.

Второй необходимый шаг состоит в том, чтобы сделать информацию о том, кто спонсирует и поддерживает автора публикации, более прозрачной. Одна из проблем, возникших во время избирательной кампании в США, состояла в том, что было непонятно, кто стоял за некоторыми создающими рекламу организациями. И я думаю, что, по крайней мере, согласно американским правилам избирательных кампаний, спонсоры кампании должны быть известны. Так что, полагаю, правительству США следует расширить эту политику, чтобы она распространилась и на новые средства информации, то есть необходимо расширить законы.

И последнее, что я хотел бы сказать: я думаю, в будущем возникнет необходимость сделать СМИ менее анонимными и ввести больше требований, согласно которым люди должны будут раскрывать свою личность онлайн. Нельзя сесть в самолет, не сказав, кто ты такой, и точно так же в будущем появятся части интерната, в которые нельзя будет попасть, не сказав, кто ты такой. Спасибо.

[00:32:03]

Маринэ Восканян: Большое спасибо, мистер Макконнелл. Вы вспомнили эту тему, которая долгое время является одной из самых конфликтных, это вопрос о внешнем влиянии на выборы. Я не хочу ее развивать, это не тема нашей сегодняшней дискуссии, но я хотела бы отметить такую вещь относительно этого: вообще тот факт, что появились информационные сферы, у которых нет границ, очень серьезно вообще поменяли для

государств ситуацию. Любое государство по-прежнему считает, что его граждане находятся на его территории, и оно по привычке считает, что вся информация находится внутри страны. Но наступило время, когда информационные потоки уже стали трансграничными. Поэтому, с моей точки зрения, даже если брать не эту тему, а любую другую, если в интернете в какой-то стране кто-то сидит, то сегодня он может читать абсолютно любые сообщения и мнения, произведенные где-либо еще. И с этой ситуацией будут сталкиваться абсолютно все страны и все люди. И что из этого может получиться дальше – это очень серьезный вопрос. Понятно, государство стремится сохранить свой суверенитет, в том числе в своем информационном пространстве, и открыто любое государство будет об этом говорить.

С другой стороны, информационная сфера сегодня не такова. По крайней мере, если мы говорим о государствах, которые не ставят прямых ограничений на доступ своих граждан в сети интернет куда-либо. Если этих ограничений нет, человек может читать что угодно, и может получить любую информацию. Это очень проблематичная ситуация для соотношения между гражданином, государством и понятием суверенитета. В информационном пространстве все изменилось, и никто не может понять, как с этим дальше работать. И это создает ряд болезненных в том числе периодических ситуаций.

Слово господину Мариани, французскому гостю и участнику. Вы являетесь руководителем большой диалоговой платформы, задача которой как раз интенсифицировать контакты между людьми. Имею в виду российско-французский диалог, контакты между людьми из разных стран. Вы занимаетесь этим не первый год. С вашей точки зрения, на всем этом информационном фоне, о котором мы говорим, у людей, занятых в сфере общественной дипломатии, у них продолжается стремление все-таки к содержательному диалогу? Как те вещи, о которых я говорила, проблематичные аспекты информационной сферы, как они влияют на общественную дипломатию?

[00:36:00]

Тьерри Мариани: Прежде всего, позвольте поблагодарить вас за приглашение. И так, как это все отразится на дипломатических отношениях? Давайте посмотрим на то, что происходило в течение последних нескольких дней. Если мы обратим внимание на то, что происходит в западных странах в связи с делом Скрипаля, мы увидим, что главным образом там преобладают фейковые новости или же непроверенная информация. Выражаясь словами министра иностранных дел Великобритании, произошедшее стало своего рода землетрясением в дипломатических отношениях, чего не было в течение уже очень многих лет.

На самом деле в основе всего лежит информационная война, поскольку тот, кто контролирует информацию, контролирует и общественное мнение. Это все давным-давно известно. Я хочу привести цитату, которая мне очень сильно нравится. Это слова Джорджа Оруэлла, который однажды сказал: «Кто контролирует настоящее, тот

контролирует прошлое, а кто контролирует прошлое, тому принадлежит будущее». Можно также добавить: кто контролирует настоящее, тот контролирует все.

По сути дела, после дела Скрипаля стало ясно, в чем заключается главный вызов, с которым мы столкнулись. Какова ситуация во Франции в настоящее время? Это очень интересный случай, поскольку Russia Today осуществляет вещание на французском языке – господин Сапир поправит меня, если я ошибаюсь – в течение последних четырех месяцев.

Фактически с самого начала между Russia Today и президентом началась война. Почему? Потому что господин Макрон никогда не забудет и не простит одно высказывание, которое было сделано во время избирательной кампании и которое, в свою очередь, является прекрасной иллюстрацией различия между свободой слова и фейковыми новостями. Итак, что же на самом деле произошло?

Во время избирательной кампании член французского парламента, который является моим хорошим другом, господин Дьюк, дал интервью новостному агентству Sputnik. Я процитирую вам его слова. Он высказался относительно личной жизни одного из кандидатов, который впоследствии стал президентом. Это высказывание было произнесено в публичном пространстве, поэтому мы можем его процитировать: «Макрон — это парень, которого французская пресса, которая, в свою очередь, принадлежит небольшому количеству людей, как мы все знаем, за глаза называет «шушу» или «милочка».

Кроме того, один из тех, кто его поддерживает, — известный бизнесмен Пьер Берже. Берже является деловым и давним романтическим партнером знаменитого модельера Ива Сен-Лорана, который не скрывает своей гомосексуальной ориентации и выступает за однополые браки. За Макроном стоит очень богатое гей-лобби». Честно говоря, если вы хорошо знаете ситуацию во Франции, вы согласитесь с тем, что это отнюдь не фейковые новости, поскольку вся пресса во Франции принадлежит всего лишь пяти или шести владельцам. Это очень маленькое количество людей, но об этом запрещено говорить.

В настоящий момент времени у нас происходит своего рода кампания, направленная против новостного агентства Sputnik и телеканала Russia Today, который запустил вещание на французском языке. Их обвиняют в распространении фейковых новостей, но на самом деле мы никогда не видели трансляции фейковых новостей с их стороны. Они попали в немилость разве что из-за приведенной мною речи. Интересно посмотреть, что произойдет в ближайшем будущем во Франции, поскольку Russia Today имеет право вещать на территории Франции в течение последующих двух лет. После этого произойдет всестороннее изучение данного вопроса регулирующим органом. Однако существуют все основания для судебного прецедента, поскольку в настоящий момент времени у Russia Today есть контракт. Все это происходит не из-за фейковых новостей, а из-за нападков на

свободу слова в лице одного из членов парламента, который указал на совершенно очевидные вещи.

Два месяца назад президент Франции объявил о том, что он хочет принять закон, направленный против фейковых новостей. Что представляет собою этот закон? Это означает, что будут официальные и неофициальные новости. Я могу привести еще один пример: я очень часто езжу в Сирию. Я знаю президента Сирии уже много лет. Я приехал вместе с некоторыми членами французского парламента в Алеппо второго января 2017 года. Это произошло спустя три дня после окончания боев.

Увиденное мною кардинальным образом отличалось от всего того, что я видел на французском телевидении в течение долгих месяцев, поскольку французское телевидение, как и многие другие западные телеканалы, использует только один источник информации - Сирийский центр мониторинга за соблюдением прав человека. Я подсчитал, сколько раз на французском телевидении объявлялось о том или ином происшествии: семь раз было сообщено о том, что уничтожена последняя больница; три раза – о том, что убит последний врач; один раз – о том, что умер последний клоун; и один раз – о том, что разрушен последний лагерь беженцев.

Это говорит о том, что была проведена абсолютно невероятная кампания, и, когда мы вместе с одним французским журналистом оказались там, мы увидели, что 65% города не было разрушено. Безусловно, умерло огромное количество людей, но это составляет всего лишь сорок тысяч из полуторамилионного населения города. На что я хотел бы обратить ваше внимание? Я думаю, в будущем людям будет очень сложно составить правильное мнение. Однако я уверен в том, что лучший способ обеспечить свободу убеждений и их выражения – это обеспечение свободы прессы.

Я думаю, что в ближайшем будущем даже такой стране, как моя, следует позаботиться о том, чтобы сохранить эту свободу. Фейковые новости должны быть уничтожены, однако иногда вместе со свободой средств массовой информации появляются и фейковые новости. Тем не менее, данная свобода должна быть гарантирована.

Маринэ Восканян: Спасибо, господин Мариани. Но, конечно, действительно, вы затронули сейчас тему больших медиа, и это вопрос, который, если его рассмотреть в более нейтральном ключе, всегда есть эта проблема, как средство массовой информации должно отражать ту или иную ситуацию.

Существует мнение, что должна быть объективность. Но в реальности мы видим, что, на самом деле, очень часто средства массовой информации отражают что-то не объективно, а у них есть свои установки, какие-то свои пристрастия. И, конечно, если говорить честно, то практически у большинства крупных медиа есть какая-то уже своя позиция относительно большинства событий. И это ситуация, в которой мы живем. Как бы мы ее не оценили, это так.

Другой вопрос, что да, в результате для обычного зрителя получается, что он включает одно телевидение, ему говорят, что разбомбили последний госпиталь. С другой стороны, если он может включить какой-то другой, увидеть какое-то другое мнение, то тогда, возможно, у него есть шанс, допустим, посмотреть еще три, четыре, пять и, может быть, начать делать какие-то свои выводы. То есть вы правы здесь в том, что должна быть возможность видеть разное. Потому что если только одно мнение навязывается, то, конечно, и, действительно, это еще вопрос – кто определяет, что такое fake news, это вообще философский вопрос. Спасибо.

Теперь я хотела бы передать слово нашему российскому участнику. Андрей Олегович, я хотела бы вам тоже задать такой вопрос. Как, с вашей точки зрения, есть ли у нас шансы, с учетом того, что информационная среда такова, все-таки в будущем прийти к какой-то информационной деэскалации? Потому что, как я уже сказала, когда объективно существующие какие-то политические напряжения, и на них накладывается еще вот эта оболочка информационная, эти форматы, то в результате мы получаем какой-то неконтролируемый взрыв хаоса очень опасный. И есть ли шанс на выход из этой ситуации? Пожалуйста.

Андрей Безруков: Маринэ, большое спасибо. Это сложный вопрос, и я не хотел бы на него прямо отвечать, потому что я хотел бы дать возможность нашим слушателям самим ответить на этот вопрос, просто разложив на столе карты. И они увидят картину. Картина следующая.

[00:45:15]

Между государствами, как и между другими группами, всегда существовала и существует борьба. Это борьба за те вещи, которые имеют ценность. И эта борьба, сама по себе, она меняется. Она меняется в зависимости от ситуации, средств этой борьбы и так далее. Давайте посмотрим, что сейчас происходит. Раньше, если два государства, я имею в виду, прежде всего, государства. Если они хотели, мягко сказать, выяснить отношения и подраться, у них была одна возможность, – перейти границу другого и, в общем-то, нанести им какое-то военное поражение, если не полное, то принудить к чему-то.

Что мы видим сейчас? Мы видим сейчас, что этих средств давления, средств борьбы, я не хочу сказать войны, потому что война – это крайнее состояние. Но если посмотреть на слово «борьба», то это континуум от ничего до полной, так сказать, войны на уничтожение. И на этом континууме есть много-много точек. И сейчас, если мы посмотрим, происходит, давайте я использую такое слово английское, – вэпанализация (00:46:31), не только информации и информационных обменов, коммуникационных обменов, но и всех других.

То же происходит в экономике с санкциями, или то, что сейчас происходит между Соединенными Штатами и Китаем, например. То же самое происходит в технологиях. То же самое происходит в финансовой сфере, с ограничением тех или иных людей,

отключением их от финансового рынка. То же самое происходит даже в спорте, как вы это видели. Все эти вещи становятся инструментом политики, инструментом давления, инструментом борьбы. То есть мы, в общем-то, входим в ситуацию, когда у нас война становится многомерной. А у многомерной войны, в общем-то, есть понятные признаки. Прежде всего, это война всеобъемлющая, как вы видели, в том числе и информационная. Это борьба перманентная. Она ведется все время, а не просто какими-то кампаниями. Она может немножко затухать, или, наоборот, опять начинаться. Но она перманентна.

Третье, это то, что у нее нет ни фронта, ни тыла. И, в общем-то, граница, ее очень трудно найти. И она идет, в общем-то, за умы и сердца людей, потому что, в конце концов, завоевывать государство никому смысла нет. Зачем физически его контролировать? Нужно просто изменить его политику таким образом, чтобы она была подходящей для другого государства. И это мы сейчас видим.

Мы видим эту часть борьбы, которая очень-очень обострилась в информационной сфере почему? Есть еще пара вещей. Во-первых, открылся, как здесь говорилось очень правильно, рынок воздействия (я рынок говорю) на тех людей, которые находятся в других государствах за границами физического государства. Раньше этого не было. То есть раньше, если мы говорили о том, что у нас какие-то споры, какие-то обмены, они были цивилизованными. А почему они были цивилизованными? Потому что это были, скажем так, информационные или идеологические столкновения элит. Они происходили на поле смыслов. А сейчас вы говорите, что происходят на поле эмоций. То есть немножко изменилась суть вот этих информационных обменов.

И еще что нужно отметить. То, что игроки, я говорю не только о государствах, поняв, что сейчас можно информационно добраться до любого, вдруг поняли, что нужно не просто пассивно выдавать кому-то информацию. То есть они начинают активно формировать среду для своей политики. Это может быть корпорация, это может быть государство, это может быть отдельный человек. То есть они все поняли, что среду для своей собственной победы, для собственного благополучия, нужно формировать. И вот они все кинулись формировать среду. И именно это мы сейчас видим, – хаотичное формирование среды, то, что происходит в Британии сейчас, и не только в Британии.

[00:50:00]

Я, кстати, оговорюсь, маленькая ремарка, почему вдруг вот этот всплеск? Всплеск по трем простым причинам. И здесь никакой политики, это объективно. То, что те страны, которые сейчас раздувают эту кампанию, в общем-то поняли, что они потихонечку, но неизбежно теряют политические и экономические позиции. Это плохо. Это трудно переживаемо. Я их понимаю.

Второе, то, что внутри этих стран происходят сложные процессы. Опять же я оценочных никаких не даю здесь мнений. Но просто эти процессы приводят к тому, что элиты начинают не понимать, что же происходит в их странах, – то, что Brexit, то, что произошло

с Трампом, то есть говорят, что будет одно, а на самом деле, народ как-то себя по-другому ведет.

И третье, те же самые элиты, к чему относятся и информационные элиты, теряют контроль над собственным информационным пространством. То, что вы видите сейчас давление на Facebook через Cambridge Analytica, и все остальное, для меня это попытки как-то прижать, начать контролировать, ввести законодательно или другие ограничения на вещи, которые происходят в виртуальном пространстве социальных сетей. Это только-только начало. И именно потому, что через эти сети идет как раз вот та информация, которая государствам не очень нравится, мы сейчас увидим все эти процессы. Telegram то же самое, да, абсолютно.

Вот такое мнение. Если сделать короткий вывод, – да, скорее всего через некоторое время в связи со всеми этими обострениями начнется опять, точно так же был процесс контроля над вооружениями, когда совершенно этот процесс развития вооружения вышел из-под контроля. Придется возвращаться к правилам игры в финансовой сфере, в информационной сфере, в спорте и так далее. Потому что эта ситуация приводит только к более глубокому конфликту. Спасибо.

Маринэ Восканян: Спасибо, Андрей Олегович. Мне кажется, что это очень важно. Что вы, действительно наверно, были первым человеком в нашей дискуссии, который отметил, что вот эту хаотизацию, и вот эту эпанизацию (00:53:29), милитаризацию, если так можно сказать, что мы ее, к сожалению, наблюдаем, действительно во всем. Это выглядит действительно очень страшно, потому что когда площадки, которые должны быть, по идее, совершенно нейтральными, как спорт, или искусство, или что-то, когда даже они становятся ареной для вот этих конфликтов. Хотя понятно, что конфликты интересов будут существовать между государствами всегда.

Но все-таки вопрос – остаются еще какие-то? Ведь понимаете, даже во время войн есть правила. Ведь отказались же от применения, например, химического оружия. Провели эксперимент во время Первой мировой войны, потом больше не использовали. Разве его не было? Оно было. Но его не использовали, потому что поняли, что негативные последствия будут хуже. И здесь вопрос, удастся ли в нынешней ситуации тоже осознать, где находится граница, за которую, наверно, дальше не идти.

Теперь я хотела бы дать слово Ивану Преображенскому, и попросила бы его затронуть такую тему. Иван, я знаю, в одной из ваших прошлых публикаций вы затрагивали как раз тему того (вы сами журналист, и работаете, как и я, тоже много лет с информационной сферой), что в этом информационном пространстве, где уже полностью человек теряет ориентиры, что там настоящее, что не настоящее, что вообще оно само по себе, интернет, как источник информации, и социальные сети, на которые возлагали такую огромную надежду, что люди всего мира будут между собой общаться, только эксперты смогут занимать ведущие позиции, как лидеры мнений. А на самом деле, все пришло к тому, что люди разочаровываются в этом и, вообще, может быть, будут искать каких-то, не знаю,

новых способов работы с информацией. То есть что сама вся эта сфера вызывает уже разочарование тем уровнем хаоса, который мы наблюдаем.

Иван Преображенский: Спасибо за приглашение, спасибо за вопрос, Маринэ. Да, я полагаю, что, действительно, ситуация такова, если эпохами, скажем так, мерить, то у нас, совершенно очевидно, наступила постинформационная, так называемая, эпоха. То есть мы находимся во времени, когда количество информации превышает, скажем так, то, что в состоянии обработать любой человек спокойно сам для себя.

[00:55:11]

Соответственно, качество информации категорически снижается везде. На это накладывается сразу несколько очень важных факторов современной технологической, и, скажем так, культурно изменяющейся эпохи. То есть мы имеем социальные сети, в которых растворилось экспертное пространство. Мы не имеем экспертного мнения, которое бы как еще 50, и тем более, 100 лет назад было бы непререкаемым, потому что человек является экспертом. В социальных сетях экспертом является тот, кто имеет больше лайков и больше френдов, тот, кто больше задевает эмоции. И для того, чтобы задевать эмоции, совершенно не обязательно быть экспертом в какой-то своей узкой сфере.

И самое главное, что мы сейчас имеем, как следствие происходящего, мы имеем эрозию тех институтов, о чем уже коллеги говорили. Мы имеем эрозию институтов, которые должны сохранять, на самом деле, некие традиционные форматы взаимодействия. Мы имеем эрозию институтов, которые должны создавать правила. Я, наверно, все-таки одну оценку вынужден буду дать, потому что я не вполне согласен с коллегами. Я, безусловно, считаю, что именно Россия, к сожалению, дала сейчас старт тому, что происходит с информационной точки зрения. Именно Россия научилась лучше всех и первой поняла, как использовать эти информационные инструменты.

Но, оговорюсь дальше, в момент, когда уже идет такого масштаба информационная война, становится все менее важно, кто это начал. Потому что самый главный вопрос становится, как выходить из этой ситуации. И с выходом из этой ситуации, действительно, есть определенные сложности, потому что, большинство средств массовой информации, они не только информируют массы, но это средства, которые зависят от масс, и дают тот контент, который востребован массами. Массы, потеряв экспертное мнение, потеряв опору на какие-то классы, которые могли бы дать им ориентиры, в этой ситуации теряются, и потребляют ту информацию, которая им доступна.

Здесь можно долго говорить о теории элит, но, в общем, мы прекрасно понимаем, что политические элиты, по определению, более ответственные, чем большие массы населения. И любой юрист скажет, что применение, например, инструмента референдума это очень опасная вещь, даже в наиболее правовом, в наиболее демократическом, в наиболее развитом государстве. То есть общественное мнение начинает управлять само

собой, и поэтому вбросы любой информации существенно его меняют. Мы не можем говорить, на самом деле, по большому счету о фейковой информации, потому что люди верят в то, во что они хотят верить.

Мы видим по ситуации в той же Российской Федерации, что значительной части населения, даже большей части населения, сейчас уже через интернет доступны любые источники информации. Но потребляет оно ту информацию, которая ей привычна по форме, привычна по содержанию. И смысл этой информации, то есть само информационное сообщение здесь вторично. Первична форма.

То же самое происходит, в принципе в Западной Европе. Потребляется та информация, которая более приятна и более располагает к тому, чтобы быть принятой адресатом для этой информации. В итоге мы получаем ситуацию, когда информационная война в принципе неизбежна, потому что люди воспринимают информацию по-разному. Людям удобна разная информация. И происходит это столкновение. Как выходить из этой ситуации? Я полагаю, что через элитные институты, как и сейчас было сказано. К сожалению, выхода из этой ситуации пока просто не наблюдается, потому что массовой сознание все менее и менее воспринимает, вот я говорю, экспертное сообщество и политические элиты теряют свою популярность очень активно. Мы это наблюдаем.

Я думаю, что кризис, который был в США, это как раз хороший показатель того, что происходит. И подобные кризисы происходят во многих европейских странах. Россия, в данном случае исключение, но по другим причинам, о которых говорить сейчас не хотелось бы, хотя они не в пользу России, безусловно, говорят.

[01:00:08]

О чем можно говорить? Говорить можно о том, что в какой-то момент, безусловно, наступит усталость от этой постинформационной эпохи. Уже сейчас люди закрываются от информационных источников. Мы прекрасно знаем, что современное, скажем так, молодое поколение предпочитает, например, общаться в мессенджерах, не общаясь голосом, и это показатель того, насколько люди устают от любой дополнительной информации, и от любого дополнительного усилия, которое требуется сделать, чтобы информацию получить.

Соответственно, в какой-то момент возникнет обязательный запрос на новую экспертную оценку информации, на появление новых экспертных групп, которые будут объяснять. Возможно, это будет запрос на идеологизацию, весьма вероятно. Современным обществом очень идеи идеологизирована, и, скорее всего, это будет сопровождаться новой идеологизацией, потому что, естественно, любая экспертная группа имеет некую свою точку зрения. Она все равно будет ее навязывать.

Но я думаю, что мы войдем в период, условно говоря, новых старых медиа, и это будет отчасти похоже на появление первых средств массовой информации в эпоху, когда

основная информация была – сообщение королевского глашатая или рассказы на рынке о том, что происходит вокруг. Или рассказы каких-нибудь странников, которые приходят и говорят, как они побывали в Святой земле, где люди о двух головах, живут по дороге, и все едят друг друга, условно говоря.

То есть наше представление об окружающем мире, на самом деле, очень сильно провинциализируется, становится все более диким. И опять, к сожалению, я вынужден, в первую очередь Российскую Федерацию указать, разрушение институтов, которые должны поддерживать нормальную передачу информации, начинается именно в последние годы с Российской Федерации. То, как высказываются некоторые российские официальные лица, а сейчас и многие западные политики, к сожалению, позволяют себе высказываться приблизительно так же.

Это очень плохой симптом, потому что, например, российский МИД всегда был идеально консервативной организацией, которая никогда не позволяла себе отклоняться от стандарта, скажем так, международного поведения, принятого отнюдь даже не в XX веке. И, вероятно, это будет строиться не на государственной основе, потому что государство сейчас часть этой информационной войны этой информационной эпохи. Вопрос в том, где возникнут эти новые институты, которые смогут, скажем так, оказаться достойными того массового запроса на новую подачу информации, которая обязательно возникнет. Спасибо.

Маринэ Восканян: Спасибо, Иван. Я позволю привести себе просто две небольшие иллюстрации к тезису, такому очень важному, который вы сказали, что людям проще всего и удобнее всего воспринимать то, что им нравится воспринимать. Вот один известный наш социолог, знакомый наш с вами общий, я вам потом скажу кто, рассказал мне как-то однажды такую интересную историю. Он сказал, все время нас, социологов, я все время слышу, как нам говорят, что ужасный самый инструмент воздействия на людей – это телевизор. Вот он чего-нибудь показывает, они сразу так и думать начинают. Он говорит, а социолог любой, профессиональный, который это изучает, он скажет, что немножко все не так. Люди смотрят телевизор только тогда, когда то, что в телевизоре показывают, им нравится. А если им не нравится, они канал переключают.

И второй пример уже, соответственно, из другого государства. Во время последних парламентских выборов в Великобритании проводили интересные исследования. Смотрели на то, как приверженцы разных партий в социальной сети, я не помню в какой, может в Facebook, но точно не помню, как у них шла коммуникация между собой. И вы знаете, была такая диаграмма, где в виде рисунка было представлено. И там сколько партий, столько на этой диаграмме было таких кругов, как облаков. То есть выяснили, что если, например, человек является сторонником, не знаю, Лейбористской партии, то он общается только с такими же сторонниками этой же партии. Если человек сторонник другой партии, то они общаются тоже только между собой.

Но самое главное на этом рисунке было то, что эти все круги, они между собой не пересекались. То есть, к сожалению, вопрос в том, что, конечно, приятнее всего человеку общаться с теми, с кем он согласен, и с теми, кто ему говорит именно то, что он хочет услышать, а не делать над собой усилие и пытаться понять, что там еще вокруг существует.

[01:05:04]

Но мы уже, я вижу, начинаем постепенно приходиться к каким-то таким, достаточно серьезным культурологическим, даже философским аспектам нашей темы. И я сейчас хотела бы предоставить слово Хауке Ритцу, который в своих исследованиях как раз изучает культурологическую и философскую даже подоплеку, в том числе и «холодной войны», и вообще, таких геополитических конфликтов. И я хотела бы услышать, господин Ритц, ваше мнение о том, как с точки зрения философии, какие есть, может быть, более фундаментальные процессы, которые лежат за теми явлениями, о которых мы сейчас уже достаточно долго говорим.

Хауке Ритц: Большое спасибо, Маринэ, за возможность выступить на этой конференции.

Вопрос происходящего в области средств массовой информации имеет первостепенное значение. Как вы наверняка знаете, в западных средствах массовой информации постоянно происходят нападки на Россию. На самом деле запрещено публиковать даже нейтральные статьи о России. Каждая статья написана в негативном ключе.

Мы можем наблюдать также и другие тенденции. Например, современные западные средства массовой информации (возможно, это в какой-то мере влияет и на российские средства массовой информации, хотя я не могу утверждать это наверняка), однако мы видим, что новости больше не подаются в виде нарративов, за которыми общественность может наблюдать в течение длительного периода времени. Мы получаем по большей части отдельные новостные сообщения. Отдельные новостные сообщения очень сильно муссируются в средствах массовой информации в течение непродолжительного отрезка времени, а затем они полностью исчезают из вида, и люди остаются в полном неведении относительно конечного результата того или иного новостного события. Таким образом, люди лишаются возможности отслеживать определенную новостную тематику в течение длительного периода времени с целью получения сведений относительно реального устройства жизни, мира и исторических процессов.

Вместе с тем информация подается очень эмоционально. Очень много истерии. Паника передается через отдельные новостные сообщения средств массовой информации. Это приводит к тому, что общественность, аудитория, все больше и больше сталкивается с нынешним положением дел, в то время как в политике и международных делах все меньше затрагивается исторический дискурс. Если вы спросите жителя Германии или любой другой западной страны о недавней истории западно-российских отношений,

начиная от падения Берлинской стены и заканчивая настоящим временем, большой процент опрошенных не сможет ничего рассказать об этом периоде истории, а также о том, как текущий кризис в российско-западных отношениях связан, например, с периодом перестройки и с падением Берлинской стены.

Вопрос заключается в следующем: что произошло со средствами массовой информации и почему это случилось? В рамках данной дискуссии уже упоминалось о военном дискурсе данного развития событий под названием «информационная война». Я уже говорил об этом ранее, поэтому не буду повторяться. Вместо этого я хотел бы обратить внимание на другой аспект, который связан с внутренней политикой западной политической системы.

Как вы знаете, политическая система большинства западных стран сформировалась в результате революции. Западные ценности, если их правильно интерпретировать, являются революционными ценностями. Вначале была нидерландская революция, затем последовала английская революция 1688-1689 годов. После этого произошла американская революция 1776 года и, в конце концов, французская революция 1789 года. Таким образом, это является своего рода наследием, на котором основана вся политическая система западного мира.

Нужно понимать, что данное революционное наследие не является чем-то незыблемым на Западе. Это постоянное яблоко раздора. В новейшей истории западного мира были периоды, когда преобладала реставрация, и были периоды, которые являлись по своей сути революционными. Например, самым поразительным периодом в новейшей истории является, конечно, период фашизма тридцатых-сороковых годов. Это был период, когда наследие французской революции было практически уничтожено. Если бы фашизм стал образцом будущего, это означало бы закат республиканской эры.

В настоящее время западный мир снова переживает период, когда преобладают силы реставрации, и это находит отражение в новой политике в области средств массовой информации, а именно – в том, что в настоящее время средства массовой информации показывают лишь отдельные фрагменты реальности; в том, что каждая новость эмоционально окрашена; в том, что аудитория все больше и больше лишается возможности осознать исторический дискурс политики. Это связано непосредственно с тем, что в настоящее время наследие республиканской эры ставится под сомнение. Если события будут и дальше развиваться в данном направлении, мы столкнемся с изменением политической культуры в западном мире. Мы столкнемся с новым политическим дискурсом, в котором историческое знание все больше и больше нивелируется, зрелость общества снижается, а средства массовой информации все больше и больше способствуют созданию общества, которое функционирует как стимульно-реактивный механизм.

В результате такого развития событий республиканская эра на самом деле прекратит свое существование. Вопрос заключается в следующем: как все это отразится на России, и как Россия может противостоять данному развитию событий? Я думаю, Россия может сделать не так уж и много в отношении внутренней политики западного мира. Единственное, что Россия может предпринять в данной ситуации, так это отгородиться от данного развития событий и попытаться направить свои средства массовой информации в другое русло.

Еще одна вещь, которую Россия может попытаться предпринять, - это создать для себя новую политическую культуру, ориентированную на некую утопию, стремящуюся сохранить позитивное восприятие будущего. Если бы это произошло, возможно, это оказало бы какое-то влияние на некоторые страны западного мира. Я просто хотел обратить ваше внимание на внутреннюю ситуацию, с которой связан также и упадок международных средств массовой информации. Большое спасибо.

Маринэ Восканян: Спасибо, господин Ритц. Относительно того, что, к сожалению, восприятие людей становится все более фрагментарным, об этом я уже упоминала, начали в 60-е годы говорить социологи, но мне кажется, идеально это явление было описано, была такая работа Зигмунда Баумана *Liquid Modernity*, это книга, где как раз говорилось о том, что восприятие людей и вообще все в жизни становится текучим по поверхности, у людей не остается времени, и вообще это остается непринято, чтобы что-то долго, глубоко, основательно изучать, испытывать. Все превращается в какие-то фрагменты, мозаику. Это серьезное социальное явление, которое описали ученые, социологи, философы, и в этом мире мы теперь живем.

Хотела бы дать слово господину Лео Энзелю. Я знаю, что он давно занимается проблемой российско-европейских отношений, изучая возможность построения некоего общего дома, устранения конфликтов из отношений между Россией и Европой, и является горячим сторонником того, что все-таки это возможно, что Россия с Европой могут и должны не находиться в состоянии конфликта, а находиться в состоянии сотрудничества и добрососедства.

[01:15:36]

Я знаю, что господин Энзель подготовил на эту тему серьезное аналитическое выступление, но прошу изложить основные тезисы. Прошу вас.

[01:15:55]

Лео Энзель: Спасибо, Маринэ.

Дамы и господа, я убежден в том, что мы все обречены на деэскалацию. Мы все обречены на деэскалацию, потому что альтернативой в данном случае является война, которая уничтожит всю планету. Таким образом, я хотел бы предоставить вашему

вниманию несколько предложений по выходу из спирали эскалации. Их можно озаглавить: «Спасение того, что можно еще спасти» или «От общеевропейского дома к Европе, сотрудничающей с Россией».

По мнению некоторых ведущих российских публицистов, идея Горбачева об общеевропейском доме уничтожена навсегда как с точки зрения российского официального политического курса, так и с точки зрения большей части российского населения. Однако, возможно, некоторые положения данной концепции могли бы соблюдаться как в настоящее время, так и в ближайшем будущем, несмотря на изменившуюся геополитическую ситуацию. Соответствующие политические игроки на Западе и в России просто должны быть твердо намерены предпринять для этого все необходимые меры.

Однако необходимым условием этого является прекращение каких-либо споров относительно вопросов ценностного характера, которые, как правило, являются волюнтаристской конструкцией и политическим инструментом. По большому счету можно выделить четыре уровня принятия мер: военно-политический уровень, политический уровень, экономический уровень и уровень гражданского общества. На каждом уровне должны быть разработаны практические краткосрочные и долгосрочные цели политики деэскалации. На военно-политическом уровне конечной целью было и будет предотвращение вооруженного конфликта между Россией и Западом. Если подходить серьезно к данной цели, тогда любые шаги, направленные на разжигание новой или старой холодной войны должны быть пресечены в зародыше.

Это включает в себя выполнение следующих действий: строгое соблюдение всех договоров о разоружении и контроль над вооружениями; деэскалация риторики; немедленное прекращение всех без исключения односторонних действий по созданию ракетного щита; немедленное прекращение какой-либо модернизации и/или нового развертывания ядерного оружия на европейской территории от Атлантического океана до Уральских гор; создание демилитаризованного коридора между восточным блоком НАТО и Россией; переоценка миссии ОБСЕ, начало нового Хельсинского процесса по созданию новой политики разрядки и обновленной Парижской хартии; и, наконец, прекращение какого-либо дальнейшего территориального расширения НАТО и начало переговоров между НАТО и Россией с целью создания новой трансатлантической архитектуры безопасности вместе с Россией в качестве равноправного партнера.

Политический уровень. В качестве первостепенной краткосрочной цели может быть предложено следующее. Как сказал бывший министр иностранных дел России Иванов: «Наша общая цель – пройти этот опасный период с минимальными потерями». Все игроки будут призваны уничтожить спираль эскалации посредством значимых символических шагов, таких как, например, введение безвизового режима. Страны постсоветского пространства должны быть освобождены от необходимости выбирать

между Россией и Западом на политическом, военном и экономическом уровнях. Поскольку конфронтация будет противопоставлена успешному сотрудничеству в ряде областей, в долгосрочной перспективе уровень эскалации будет постепенно уменьшаться.

На экономическом уровне следует предусмотреть и шаг за шагом осуществить создание единого экономического пространства от Лиссабона до Владивостока.

На уровне гражданского общества основной задачей является прекращение растущего отчуждения между людьми в России и на Западе путем внедрения новой культуры, базирующейся на умении слушать друг друга и вести открытый диалог. В ходе данного процесса первоочередной задачей является восстановление доверия на всех уровнях. Доверие не может быть предписано законом или восстановлено посредством принятия того или иного указа. Даже при наличии твердой решимости для восстановления доверия необходимы благоприятные условия, которые будут способствовать сотрудничеству всех сторон в совместных проектах. Доверие будет постепенно увеличиваться благодаря успешному сотрудничеству. Официальная политика в этом направлении, в том случае если она добровольная, обретет дополнительные возможности для поддержки инициатив гражданского общества благодаря созданию соответствующих условий.

В качестве предварительного вывода следует отметить, что общеевропейский дом может стать реальной целью в рамках текущей геополитической ситуации. Тем не менее, утрата общего видения не является катастрофой при наличии желания у всех сторон двигаться в данную сторону более мелкими шагами. Это уменьшило бы давление становящегося все более сложным видения и бесконечных споров относительно вопросов ценностного характера. Иначе говоря, сторонники политики деэскалации должны сосредоточиться на несколько менее амбициозном и более простом проекте, и построить Европу, сотрудничающую с Россией по ряду конкретных вопросов. В рамках данной практической исходной позиции основные положения первоначальной концепции общеевропейского дома могут быть реализованы, возможно, еще даже лучше.

Маринэ Восканян: Большое спасибо, господин Энзель. Очень приятно видеть, что в отличие от многих людей, которые стремятся к эскалации, услышать голос разума, призывающий все стороны, наоборот, прийти если не к согласию, то к формату разговора друг с другом, к диалогу.

Мы прошли первый раунд дискуссии. Еще одному человеку обещала реплику. Позволю себе дать слово журналисту Тиму Кирби, который работает в компании Russia Today, а также радиостанции «Маяк». Тим, у меня к вам, возможно, неожиданный вопрос. Я вас не буду спрашивать про информационную войну, про геополитику. Сегодня очень много говорили, что люди, которые воспринимают информацию, на них направлены ужасные информационные потоки и ими манипулируют, они не могут разобраться. Как вы считаете, аудитория, которая вас слушает, смотрит, может разобраться в ситуации? Или действительно людьми можно манипулировать как угодно?

[01:23:38]

Тим Керби: Придя в себя после ужасного случая, связанного с отравлением, я хотел бы выступить сегодня в более свободной манере. Могут ли люди узнать правду? В некотором смысле да, могут, но дело в том, что они слишком заняты или слишком устали. В большинстве случаев люди просматривают одни и те же источники информации, которые сами по себе очень ненадежные, для того чтобы найти в них достоверную информацию. Я хочу немного отвлечься от заданного плана, поскольку я хотел бы сконцентрироваться главным образом на одном пункте, который находится в самом конце данной небольшой брошюры. Фундаментальный вопрос заключается в следующем: есть ли шанс, что новая информационная война закончится? Это то, о чем я хотел бы поговорить сегодня в первую очередь.

Будучи американцем, я много раз слышал за последние двадцать с лишним лет выражение «война с терроризмом». Наши и зарубежные средства массовой информации, а также люди задаются вопросом: «Каким именно образом мы собираемся победить в войне с терроризмом?» Очевидный ответ на этот вопрос: «В ней нельзя победить, потому что терроризм – это тактика. Вы не можете победить тактику». Это довольно хороший аргумент. Вы можете убить террористов, но на их месте всегда могут появиться другие, потому что терроризм – это идея.

Если мы поразмыслим над этим, то увидим, что существуют и другие тактики, такие как кавалерийские атаки и греческие фаланги. По-прежнему существуют лошади, с помощью которых можно создать кавалерию, по-прежнему существуют на этой планете греки, которые могут создать греческую фалангу, однако этого больше не происходит. Почему? Потому что они перестали работать. Вопрос заключается в следующем: если средства массовой информации, если информационная война, точно так же как терроризм или греческая фаланга, представляют собой определенную тактику, работает ли она сейчас? Будет ли она работать лучше? Будет ли она работать хуже? Есть ли у нее будущее или нет?

Благодаря изобретению ядерного оружия информационная война будет по-прежнему оставаться на том же самом уровне или станет еще более важной, потому что могущественные державы больше не могут воевать друг с другом с помощью традиционных способов ведения войны.

Принимая во внимание постоянное усовершенствование технологий, облегчающих ведение современной информационной войны, это является вполне естественным развитием событий. У меня более реалистичный взгляд на историю (я говорю это не с целью похвалить себя). Я имею в виду то, что война является неотъемлемой частью человеческой истории. Это неотъемлемая часть человеческой жизни. Это никуда не денется, ничего не поделать. Это не означает, что мне это нравится. Я говорю об этом

точно так же, как и о том, что однажды мне предстоит умереть. Мне это не нравится. Я люблю жизнь. Можно ли это как-то изменить? С этим нужно просто смириться. Точно так же и с войной. Тактика ведения информационной войны будет продолжать существовать и в дальнейшем, потому что это действительно единственный способ, с помощью которого могущественные державы могут сражаться друг с другом.

По правде говоря, если бы мы задумались над тем, что происходило двести лет тому назад, если бы мы могли увидеть улицы Парижа в то время, то обнаружили бы, что Наполеон может построить Grande Armée (Великую армию). Прошу прощения, я не очень хорошо говорю по-французски. Мои коллеги здесь, вероятно, произнесли бы эти слова более красиво. Итак, вы увидели бы, как пятьсот тысяч человек с блестящими мушкетами и штыками маршируют по улицам. Таким образом, вы увидели бы могущество Франции. В современном мире существуют армии. Каждая страна должна иметь армию, даже такие страны, как Австрия. Однажды мне довелось пообщаться с одним австрийским офицером. Оказывается, у австрийцев подготовлен план действий в случае нападения на них европейских соседей. На всякий случай они готовы к этой непредвиденной ситуации. Наличие армии имеет смысл. Но задействуют ли они армию? Скорее всего, нет.

Как бы то ни было, в современной войне в качестве наполеоновского парада выступают средства массовой информации. Фильмы каких стран и в каком количестве вы обычно смотрите? Будучи россиянами, вы наверняка смотрите много американских фильмов и совсем немного российских. Сколько угандийских, эквадорских или аргентинских фильмов вы посмотрели? Немного. Я каждый раз говорю об этом, когда речь заходит об информационной войне. Я говорю об этом, вероятно, уже в шестнадцатый раз, но ничего страшного, я готов говорить об этом еще шестнадцать, двадцать, сорок раз. В России, когда люди говорят об информационной войне, они имеют в виду только новости. Однако это не только новости. Это также видеоигры, YouTube и фильмы. Если вы посмотрите на карту мира с точки зрения того, чьи фильмы доминируют в разных странах, вы обнаружите гигантскую однополярную фигуру, а именно – Запад. Мы могли бы назвать это США или англосаксонским миром, потому что Англия также является поставщиком огромного количества средств массовой информации.

Если вы посмотрите на карту мира с точки зрения того, чьи социальные сети доминируют в разных странах, вы обнаружите то же самое. У России есть своя очень популярная социальная сеть. То же самое и в случае с Китаем. Их социальные сети распространены не очень сильно, в отличие от «Фейсбука» однополярного гиганта, который встречается повсюду. Таким образом, точно так же, как наличие мощной армии является залогом национального суверенитета, а также важной составляющей нации, наличие сильных средств массовой информации также является ее неотъемлемой частью, особенно если вы хотите защитить себя от цветных революций, которые являются потрясающей тактикой, используемой людьми в XXI веке, поскольку традиционная война больше не

является одним из возможных вариантов. Если у вас нет армии, вас могут завоевать. Если у вас нет средств массовой информации, национальной идеи и информационной армии, тогда кто-то может устроить у вас цветную революцию, которая вас и погубит. Это все, что я хотел сказать. Большое спасибо.

Маринэ Восканян: Спасибо, Тим. Я вижу, что все стремятся переходить на очень фундаментальный уровень размышлений по нашей теме.

Хотела бы задать вопрос господину Виммеру. Вы послушали первый большой раунд нашей большой дискуссии, вы начали с того, что говорили о вашем опыте дипломатической работы. Хотела бы вас спросить о прогнозах. Вы видели анализ, который дали коллеги каждый в своей сфере. Есть ли у нас надежда, что мы в будущем сможем выйти из нынешнего состояния к более рациональному и прийти в состояние какого-то диалога, пусть даже у нас будут разные геополитические интересы, всегда будут конфликты сил в мире, между странами своя конкуренция. Но есть ли шанс вернуться к способности переговоров друг с другом?

[01:30:58]

Вилли Виммер: Для человека, который вырос в горах, оптимизм является неотъемлемой частью мироощущения. В нашей жизни время от времени происходят позитивные сдвиги, в противном случае было бы очень тяжело жить. Поэтому я всегда оптимистично настроен. Да, это возможно. Я не уверен в том, доживем ли мы до этих изменений или нет, поскольку все довольно запутано. В каком мире мы живем? В первую очередь я говорю о средствах массовой информации.

В первом своем выступлении я упомянул о войне в Югославии. С тех пор все западные средства массовой информации (телевидение, радио, газеты) представляют собой царство лжи. Они постоянно лгут, поскольку без использования лжи невозможно заставить людей поддерживать войну. Мы ненавидим войны, но мы по-прежнему продолжаем воевать: война в Югославии, война в Афганистане, война в Ираке, война в Сирии, война в Ливии. Таким образом, война не прекращается.

Для выхода из данной ситуации, которую мы обсуждаем последние шестьдесят минут, Запад должен перестать воевать, поскольку участие в войнах порождает необходимость лгать обо всем с целью завоевания общественной поддержки. Таким образом, на мой взгляд, все зависит от ситуации в западных средствах массовой информации и от того, насколько люди верят в возможность спокойной жизни без участия в военных конфликтах. Поэтому чрезвычайно сложно объяснить людям реальные планы западных правительств, поскольку они по-прежнему продолжают лгать. Мне не известно обо всех нюансах фантастической истории, которая произошла в Солсбери, Великобритания, и о которой рассказывает Тереза Бонд. Мне не известно обо всех нюансах этого дела, но это, опять же, является частью западной повестки лжи. Самый ключевой момент в последнее

время, поскольку часть небылиц исходит от Великобритании, и у них это стало уже доброй традицией, начиная со времен Тони Блэра, заключается в стремлении начать новую войну, в стремлении заставить отдельные структуры Европейского союза и НАТО призвать других присоединиться к ним в их стремлении развязать еще одну войну, на сей раз уже против России.

Таким образом, ответ на ваш вопрос звучит следующим образом. Это довольно сложно осуществить, поскольку очень сложно представить себе ситуацию, при которой западный мир вернулся бы к нормальному положению вещей и мирной жизни на территории всего европейского пространства, не воюя со своими соседями. Насколько плохо обстоят дела в этом отношении можно увидеть на примере американского президента Дональда Трампа. Он вынужден использовать Twitter, для того чтобы реализовать свое право на равный доступ к общению с американским населением. Это является наглядным примером того, что, если пресса, в том виде, в каком она существует сегодня, если большие медиа-компании продолжают свою нынешнюю линию поведения, то даже американский президент, несмотря на всю свою силу и власть, будет не в состоянии напрямую обращаться соответствующим образом к своему собственному населению. На мой взгляд, этот Twitter-президент является наглядной демонстрацией того, насколько сложна нынешняя ситуация. Мне жаль, что я не могу ответить на ваш вопрос.

[01:35:23]

Маринэ Восканян: Спасибо, господин Виммер. Прошу всех коротко высказаться. Господин Мариани, вопрос к вам. Я бы хотела, чтобы в конце мы поговорили о том, что можно сделать, чтобы улучшить ситуацию. Может, у вас есть какие-то мысли, например, в сфере общественной дипломатии или информационной, как журналисты и как эксперты, что мы можем все сегодня сделать для улучшения ситуации, достаточно критической, в которой мы все находимся? Я говорю вообще об информационной сфере как таковой.

[01:36:48]

Тьерри Мариани: Дело Скрипаля в действительности показало, что мы должны иметь возможность контролировать всю информацию. Как вы уже сказали, у британцев есть старая добрая традиция предоставлять ложную информацию. Публичная дипломатия больше доверяет, если каждый раз в таком случае проводится международное расследование. Но что мы видим? Во многих случаях расследование проводится только одной стороной, другие участники к этому не допускаются. Например, последняя атака (на мой взгляд, это фейк) в районе (нрзб.) (01:37:30) в Сирии. Расследование проводилось приезжими людьми, которые не были изначально на месте событий, среди которых были к тому же турки.

Нам известно, что они все время воюют. Поэтому я считаю, что лучший способ борьбы с фейковой информацией со стороны публичной дипломатии – это международное

расследование, но это опять-таки довольно сложно осуществить. Мы знаем много таких случаев.

[01:38:01]

Маринэ Восканян: Спасибо. Иван, я бы вас тоже попросила высказаться, как вам видится, какие шаги мы все, каждый в своей сфере, можем предпринять, чтобы улучшить ситуацию?

Иван Преображенский: Спасибо, Маринэ. Не могу вначале одной фразой не пооппонировать коллегам. Если мы говорим о том, что мы должны прекращать лгать, я не берусь определять, что делают западные СМИ и западные политики в данном случае, я представляю РФ в данном случае. Не в смысле, что я представляю государство, а я являюсь гражданином РФ, меня волнует, что происходит в ней в первую очередь. Если мы начинаем говорить об информационной лжи, находясь в РФ и обсуждая информационную войну, мы не услышали ни разу здесь слова «Украина», не услышали о необъявленной войне, которая идет на Украине, не услышали о том, как односторонний Запад освещает ситуацию в Сирии. Услышали, но не услышали о том, как Россия односторонне освещает со своей позиции ситуацию в Сирии.

Я а то, чтобы хотя бы экспертное сообщество для начала договаривалось о том, чтобы быть объективными. Существуют проблемы, которые не можем не озвучивать. Озвучивать мы их обязаны. Если мы их не озвучиваем, мы сами становимся частью этой информационной войны, углубляем ее, усиливаем и способствуем ее продолжению. В этом смысле я категорически не согласен с тем, что здесь звучало в смысле обвинений в тотальной лжи западных СМИ, потому что все СМИ очень разные. Ложь или ошибки, сознательные или несознательные, бывают во всех СМИ. Главная проблема современных СМИ – это непрофессионализм, а вовсе не сознательная ложь или обман. Это те проблемы, с которыми можно работать.

[01:40:33]

Если мы встаем на конфронтационную позицию и заявляем, что наши оппоненты лгут, на этом переговоры заканчиваются, и это и есть шаги к тому, чтобы продвигать так или иначе войну, которая будет уже не информационной. Люди, которые обвиняют одну из сторон к тотальной лжи, делают шаг к войне.

Маринэ Восканян: Спасибо, Иван. Дам слово господину Ритцу, потом господину Энзелю и будем завершать.

Господин Ритц, хотела бы вас спросить, вы затронули сферу того, что люди сегодня порой неглубоко изучают какие-то процессы, прежде чем сделать выводы. С вашей точки зрения, есть ли шанс вернуть это восприятие к какой-то разумности, уйти от эмоциональных истерик? Вы диагноз дали, но как вы считаете, это можно изменить или уже поздно?

[01:41:35]

Хауке Ритц: Этот вопрос напрямую касается того, какое у вас мнение относительно природы человека. Лично я считаю, что люди умны. Я не думаю, что массы глупы, хотя многие люди так считают. Лично я верю в способность людей понимать происходящее и не поддаваться обману. Возможно, не сразу, но через некоторое время люди начинают понимать, что истинно, что сложно, а что является ложью.

Таким образом, в долгосрочной перспективе, на мой взгляд, у нас есть все шансы найти путь к истине. Однако я обеспокоен относительно краткосрочной перспективы, потому что мы действительно находимся в кризисной ситуации. Западные элиты после падения Берлинской стены разработали план геополитической экспансии на территорию постсоветского пространства. Они планировали эту экспансию на протяжении многих лет, и теперь они столкнулись с войной в Сирии и Украине, а также в отношении Китая. Они до сих пор не желают признавать тот факт, что их планы обречены на провал.

Мы оказались в очень опасной ситуации, когда существует противостояние между идеями небольшой узколобой элиты и реальностью на местах. В этой опасной ситуации очень важно то, что предпринимают в этом отношении жители разных стран. Мы должны бороться с государственной ложью посредством всех доступных нам средств (альтернативные средства массовой информации, публичная дипломатия) и пытаться изменить общую атмосферу таким образом, чтобы у господствующих элит не осталось никакого шанса на продолжение агрессивной политики геополитической экспансии.

[01:43:50]

Маринэ Восканян: Спасибо. Господин Энзель, вы готовы высказать свое мнение, что можно сделать? Самое главное, что можно улучшить?

[01:44:07]

Лео Энзель: На мой взгляд, ответ очень прост. Деэскалация информационной войны является неотъемлемой частью деэскалации в целом. Жители России не хотят войны, жители Германии не хотят войны. В восьмидесятых годах я был членом западногерманского движения за мир. Мы выступали против американских ядерных ракет, «Першинг 2» и крылатых ракет. Мы также выступали против советских ядерных ракет. Мы вышли на улицы, и мы оказали давление на официальную политику.

Почему мы не выступим единым фронтом сейчас? Мы должны объединиться (россияне и немцы, россияне и европейцы) и создать общее международное движение за деэскалацию. Давайте приступим к этому.

[01:45:07]

Маринэ Восканян: Большое спасибо, господин Энзель. Ваша оптимистическая нота, мне кажется, очень хорошо, что прозвучала в конце нашего мероприятия, где было сказано много вещей, что ситуация не самая хорошая, и она ухудшается.

Подводя итог, я согласна с теми, кто говорил сегодня, что какими бы ни были конфликты интересов, геополитические противостояния, они всегда будут, это очевидно. Но должны существовать какие-то границы и какие-то поля, в которых соблюдаются какие-то правила. Понимаете, даже во время войн бывают ситуации, когда стороны находят площадку нейтральную и приходят туда на переговоры, во время которых они способны что-то друг другу передать, хотя бы какую-то информацию. Мне кажется, очень важно, чтобы все-таки информационная сфера позволяла, и у нас был бы содержательный диалог. Я согласна с тем, что говорил Иван, что нужно сохранить хотя бы в экспертном сообществе возможность спокойной разумной содержательной дискуссии даже со своими противниками, хочу это особенно подчеркнуть.

Надеюсь, что каким-то образом пути для этого будут найдены. Хочу согласиться с коллегами другими, которые говорили, какие у нас есть для этого альтернативы? Интенсификация конфликта – это уже дорога не к информационной войне, а к самой настоящей. Я уверена, что этого никто не хочет, поэтому, думаю, выходы будут найдены. Большое спасибо всем, кто оставался с нами до конца дискуссии. Всего доброго!

[01:47:14]